

Нолик

Арнольда Ивановича за глаза все звали Ноликом, хотя было ему уже за пятьдесят годков. Когда-то в далеком детстве так называла его мама. Вот и прилипло. Имя Арнольд носил молодой человек, поразивший мамино воображение, когда было ей всего семнадцать лет.

— Как он одевался! — Говорила мама, нежнейшим образом складывая губы трубочкой. — Костюмчик двубортный бостонский, пуговички блестят, шляпа заграничная велюровая. — И даже тросточка имелась, которой Арнольд при ходьбе помахивал. Вот и стало это имя для мамы символом мечты: вырастет сынуля шикарным мужчиной и построит себе и семье своей не жизнь, а шик-блеск.

Но, как говорится, человек предполагает, а судьба располагает. Кого-то еще в нежном возрасте начинают величать по имени-отчеству, а кто-то до самых седин остается несмышленьким. А ведь смотрелся Нолик вполне представительным импозантным мужчиной. Одевался он по последней моде, но не броско, чем очень гордился: рубашечка белая, галстук в тон костюму. Ботинки блестят. Даже носки по цвету подобраны. И начальству это нравилось. А еще начальству, вероятно, очень импонировало наблюдать рядом с собой высокое, стройное, не лишённое приятности, услужливое существо. Даже мокрогубое лицо с маленькими собачьими глазками и смешная фамилия Трыщенко не портили впечатление. Но особенно нравилась начальству манера Нолика излагать свои мысли, если они у него появлялись. Даже отвечая на простой вопрос, требующий односложного ответа «да» или «нет», Нолик багровел от напряжения, пальцы его начинали судорожно дергаться, затем губы складывались трубочкой, и сквозь фонтан слюны вырывался звук, похожий на бормотание унитаза, сливающего воду. А следом вылетало первое слово «значит». Иногда с ним соседствовало не менее многозначительное — «вот». И только после этих трудно произносимых словосочетаний на свет божий являлся ответ, ожидаемый руководством.

Нолик, вероятно, производил на своих начальников впечатление преданного пса, который все понимает, но сказать не может. И держали его рядом, как немого слугу, который и рассказал бы о хозяине, но не может.

А начинал Нолик простым водителем в исполкоме.

— Немногословен, аккуратен, машина всегда в порядке. — Думал завгар, определяя юношу к самому председателю Александру Борисовичу Говорухину. В водителях у Говорухина Нолик прижился. Водил, если надо, жену и детей, застенчиво улыбался, открывая дверцу «Волги» перед шефом, а главное, молчал, не надоедая разговорами, не задавая лишних вопросов. Только однажды озадачил он Александра Борисовича, положив на стол начальнику заявление с просьбой отпустить учиться в политех на вечернее отделение. Шеф помолчал, разглядывая мокрое от напряжения лицо Нолика с ровно подстриженным чубчиком, короткие пальцы с аккуратно подрезанными ногтями, и молвил: «А не жирно будет?»

В ответ Нолик замычал, энергично мотая головой. Это лошадиное движение почему-то развеселило Александра Борисовича. «А что? — думал он. — Пусть попробует. Даже интересно, как учиться-то будет». И, выбрав ручку в громадном стакане, начертал на заявлении: «Разрешаю, заочно. Говорухин».

Первый шаг был сделан. И кто бы мог тогда подумать, что скромный водитель, несмотря на все сложности и преграды девятидесятых годов, достигнет высокого ранга начальника административно-хозяйственного управления мэрии.

Как учился Нолик, не стоит рассказывать. Иные преподаватели ставили ему положительные оценки только из сочувствия. Уж очень тяжело было смотреть на его потуги что-либо вымолвить. Другие же прекрасно понимали, какое счастье им привалило в лице студента, который возит «самого хозяина». Третьих Нолик начинал ублажать задолго до экзамена или зачета. Кому мешок картошки привезет, кому омулька соленого. Правда, не все было гладко да просто. К примеру,

преподаватель сопромата не покорился молчаливому обаянию Нолика. Сделав три безуспешные попытки сдать сопромат, Арнольд пал духом. Красноречивое надувание щек, подергивание конечностями, коньяк, омуль копченый и соленый не действовали.

— В математике, — говорил упрямый препод, — не нужно быть краснобаем. Математика знает только один язык. Это цифры и формулы.

Трудно сказать, как Нолик нашел решение неразрешимой, казалось бы, задачи, но зачет он получил. Дело в том, что профессор Иван Андреевич Бабанов жил в двухкомнатной хрущевке с женой, замужней дочерью и внуками. Жена, замученная хлопотами по дому, стиркой, кормлением и воспитанием внуков, которые неделю ходили в детский сад, а две недели болели, вечно ворчала. Поэтому Иван Андреевич домой не торопился. Каждый день засиживался он после занятий на кафедре, всячески оттягивая момент возвращения в родную «берлогу». Только когда уборщицы начинали вечернюю перекличку и шуршание швабрами в коридорах и кабинетах, неторопливо складывал в портфель бумаги и медленно-медленно, шаркая стертими подошвами, тащил свое грузное тело к выходу. Прежде чем сесть в старенький «жигуль», покупал Иван Андреевич пару банок пива и ехал на стоянку, что была в пятнадцати минутах ходьбы от дома. Гаражом в советское время профессор обзавестись не успел, а сегодня это ему было не по карману. Аккуратно загнав машину на предназначенное для нее место, открывал Иван Андреевич баночку пива и наслаждался музыкой, пивом и одиночеством.

Рядом ставили свои машины какие-то люди, галдели, проходили мимо. Он чувствовал себя островом, который обтекает река, устремляя свои воды дальше, равнодушно соприкасаясь малым лоскутком суши, тут же забывая о нем. И только когда охрана начинала обход стоянки, готовясь выпустить на территорию собак, Бабанов покидал свое убежище и отправлялся домой к неизбежным упрекам и ссорам.

О вечерних посиделках преподавателя Нолик случайно узнал от одного из студентов, который под дружный смех однокурсников в лицах и красках рассказывал о пивных бдениях Ивана Андреевича.

— Вот это номер! — сказал себе Трыщенко, соображая, как лучше использовать невинные чудачества профессора. А через два дня приятель Нолика, служивший в ГАИ, лично подстерег незадачливого преподавателя сопромата на стоянке и отобрал у него водительское удостоверение. Слова о том, что автомобиль стоит на стоянке и никуда не идет, не были приняты во внимание. В руках у Бабанова была открытая банка пива, а в салоне автомобиля явственно витали пивные пары.

Выждав еще несколько дней, Нолик явился к Ивану Андреевичу для переэкзаменовки и сразу же молча положил на стол рядом с зачетной книжкой злополучные права. Бабанов вздрогнул и, пламенея малиновыми щеками, с трудом сдерживаясь, подписал зачетку и бросил ее через стол Нолику. Тот хмыкнул и, все так же молча, удалился, оставив преподавателя скрежетать зубами в бессильной ярости.

Этим же вечером Иван Андреевич Бабанов, зарулив на стоянку, не стал довольствоваться пивом, а отправился в ближайшую рюмочную, где напился, как говорится, до положения риз. Очнулся он в вытрезвителе. Итогом этой истории стал вынужденный уход правдолюбивого профессора на пенсию.

Когда Нолик получил диплом инженера-механика, товарищ Говорухин сидел уже в губернаторском кресле, но водителя своего не забыл, и позвал его в автохозяйство своего аппарата. Даже в новогодних снах Нолику не снилось, что

когда-нибудь он сделает такую успешную карьеру. Конечно же, товарищ Говорухин не то чтобы руку приложил к судьбе любимого водителя. Он просто легонько дунул ему в спину. А дальше уж все пошло как по маслу. Ведь рядом с губернаторским креслом всегда много людишек, жаждущих угадать, выполнить любое желание высокого начальника. Эта старая игра в угадайку и есть главный движитель в чиновничьем мире. Угадать настроение и желание начальника — все равно, что оседлать птицу счастья. Угадал один раз — похвалил начальник. Угадал дважды — заметил. Угадал трижды — начальник в памяти своей зарубку сделал. И стал ты начальству надежей и опорой. Только так, и не иначе в люди выбиться можно. И боже упаси поперек слово сказать. Умишко свой в заглашнике держать надобно. Подчиненный умней начальника быть не должен. Так маменька учила когда-то Нолика. А мама плохому не научит.

Только Нолик и вовсе не говорил: ни поперек, ни вдоль. А вот угадывать научился влет. И водителей умел подобрать под характер начальников, то бишь заместителей губернатора. Страна кипела митингами, пикетами, демонстрациями. Закрывались заводы и фабрики, в одночасье прекращали работу некогда славные научно-производственные объединения. Но незыблемой скалой стоял «серый дом», в коем размещалась губернаторская администрация. Каждое утро подкатывали к парадному подъезду белые и черные лимузины с чиновными властителями, которые, морща лоб думами и заботами о трудовом народе, проходили мимо вытянувшихся в струнку милиционеров, в просторные свои кабинеты.

Очень скоро Нолик понял, что запустили его в огород, где капусту никто не считает. Нет, конечно же, в администрации губернатора имелись ревизоры, а при законодательном собрании — контрольно-счетная палата. Только как этим контролерам было угнаться за чехардой законов, распоряжений, постановлений и указов новой государственной формации? Грех было не воспользоваться открывшимися возможностями. И Нолик пользовался. Научился выгрызать навар на запчасти, резине и горючке. Дело это было верное, если еще и занять подручных из числа наиболее авторитетных водил. Вот тут-то Нолик и проявил себя не только как ловкий, но и стратегически мыслящий, мудрый руководитель.

В автохозяйстве создал он совет ветеранов. А председателем сделал Антона Григорьевича Кашемарова, старейшего водителя, который, можно сказать, родился и вырос в гараже. Начальников перевозил видимо-невидимо. Расставаясь с каждым из них, проливал скупую мужскую слезу, что впрочем, не мешало ему всей душой прикипеть к новому начальнику. Даже ходил Антон Григорьевич, словно стесняясь своего роста, на полусогнутых ногах, прижимая к груди кепчонку. Но умильно просительная фигура его преображалась, когда следовало на место поставить молодого борзеющего коллегу по цеху. Так что помощника-общественника Нолик подобрал грамотно. Все складывалось удачно. Тылы ему прикрывал Антон Григорьевич, начальство работой автохозяйства было довольно, а бухгалтерия была, как и положено, прикормлена.

К этому времени Нолик женился и детишек завел. Правда, невесту ему мамина присмотрела. Не слишком красивую, но послушную и работающую. Родители у Томки, то есть молодой Ноликовой жены, работали в торговле. А как началась перестройка, да кооперативное движение, сумели магазинчик выкупить. Туго-бедно, но на хлеб с маслом хватало. И дочку свою они к делу приспособили. За прилавком стоять научили, показали кое-какие хитрости. Тамара в торговом деле хорошей ученицей себя показала и дочкой послушной. Это в школе по ма-

тематике ей тройку со скрипом ставили. А по другим предметам и того хуже. Но папенька с маменькой, где подарками, где возможностью к дефицитному товару присосаться, учителей умаслили, и аттестатик выправили не хуже, чем у людей. А в магазине, когда живые деньги тебе дают, руки сами, без участия мозгов, откуда нужно достают, и куда надобно складывают. И ни одна копеечка мимо не проскочит и не затеряется. Была у Томкиных родителей мечта любимое чадо пристроить в техникум советской торговли. Но, когда союз нерушимый канул в небытие, и закрутилась частно-перестроечная карусель, стало ясно, что учеба только помешать может. Столько возможностей открылось сколотить капиталец, что терять время на учебу стало никак нельзя. А тут маменька Ноликова со своим сватовством приспела. Семья Саломоевых враз поняла, какое сладкое будущее сулит Тамарочке соединение с Ноликом, работающим под крылом самого товарища Говорухина. Да и с виду Нолик был жених хоть куда. С ним на люди выйти не стыдно. А что не речист, так это не недостаток, а скорей достоинство. Настоящий мужик, хозяин дома, должен быть скуп на слова. Тем более, что и у Тамары были кое-какие недостатки. Например, уж очень любила девушка сладкое. Пирожные и шоколад девушка поглощала в таком количестве, что не могло это не сказаться на ее фигуре. А еще Тамара обожала бразильские и аргентинские сериалы, которые в то время заполнили российское телевидение. Нолик мгновенно покорила ее сердце не только молчаливым ухаживанием, но роскошным подарком. Уже на второе свидание он принес полный набор видеокассет сериала «Богатые тоже плачут».

Мужем Нолик оказался заботливым и чадолюбивым. Из тех, о ком говорят: все в дом несет. Тамара уже через год родила ему дочурку. Еще через год — другую. Стоять у прилавка ей стало некогда. Нолика это ничуть не огорчило. В девочках своих он души не чаял, стараясь изо всех сил обеспечить семейству безбедное настоящее и будущее.

Беда пришла, откуда не ждали. Высокая должность товарища Говорухина перестала быть выборной. Александр Борисович, просидев два срока в начальственном кресле, чем-то не угодил новому президенту и был отправлен по старой, еще советской традиции, послом в сопредельную страну скотоводов и кочевников. Была надежда у Нолика, что Александр Борисович возьмет его с собой. Но не сбылось. А новое начальство пришло со своей командой. И, как водится, началась чистка аппарата. Каждый день кого-то принуждали написать заявление об увольнении по собственному желанию. Кого-то увольняли по сокращению штатов. Новый начальник очень быстро заслужил прозвище «Фотограф», так как, ежедневно тараща глаза в телекамеры и набычившись, произносил ставшее сакраментальным слово: «Снимаю». Нужно сказать, что народ, уставший от чиновничьего произвола, быстро поверил в доброго царя-батюшку и рукоплескал Фотографу и его кампании по изгнанию сидельцев «Серого дома», как называли особняк, построенный когда-то для обкома партии, а потом заселенный аппаратом губернатора.

Бедный Нолик не знал, что делать. Он метался от одного начальника к другому в поисках защиты. Но тщетно. Иных его покровителей, как говорится, поглотила медленная Лета, другие были далече. Нолик плохо спал, почти не ел. Снился ему казенный дом и дальняя дорога, тем более что намечалась проверка его хозяйства контрольно-счетной палатой. И почувствовал себя Нолик псом. Заслуженной и верной собакой, которую вдруг решили за ненадобностью выставить со двора. Возвращаясь со службы домой, выпивал Нолик рюмашку водки для аппетита, но аппетит не приходил. Поковырявшись в котлетке, выпивал вторую рюмку, и, уста-

ввившись невидящими глазами в пространство, мычал нечто странное, более чем песню напоминающее собачий скулеж.

Но судьба жалилась над ним. Пригрел Нолика давний сослуживец товарища Говорухина, севший в кресло градоначальника. Не сразу, постепенно завоевывал Нолик доверие нового начальника. Он даже на какое-то время позабыл о своих хитро-мудрых комбинациях. Пришлось, конечно, затянуть поясок потуже и жить на одну зарплату. Располневшая к тому времени Тамарка с трудом переживала удар судьбы. Ворчала вечерами, изводя Нолика упреками, что этим летом на Кипр не съездили, что участок земли почти в центре города заимели, а дом не строим. Кирпич, который год назад завезли, уже разворовали, а ведь за него деньгами плачено. «Знала бы она, что кирпич халявный, — думал Нолик, как всегда, не отвечая, — стала бы ворчать».

Усмирить жену помогла, как ни странно, любимая теща. Послушав Тамаркины стоны, оборвала она дочурку словами:

— Ты что, не видишь, как тяжело сейчас твоему мужику?! Но ведь обиду свою он на тебе да на детях не срыгает. Посмотри, какой он у тебя ловкий да бравый. Он еще свое возьмет. — И точно! Как в воду глядела.

Нолик не только на новом месте укрепился, но и вознесся в кресло начальника всего административно-хозяйственного управления. А тут уж такие горизонты открылись, что дух захватило. И домик достроили, и машину новую прикупили. Пришла пора дочурок пристраивать. Выросли они хорошенькие, белокурые, синеглазые.

«Но в способностях к учению, а вернее, в полной неспособности, маму Тамарку превзошли. А значит, учить их только за свои кровные», — думал Нолик.

Пришлось ему попотеть, чтобы на новом месте придумать дорожки, по которым денежки сами побегут куда надобно. А для этого нужны помощники. Не даром говорят: кадры решают все. Вот он кадры и подобрал.

Буквально подобрал, как подбирают с земли упавшую денежку. Служила в хозяйстве дама по фамилии Корятова с горячим именем Любовь. Потрепала ее судьбина так крепко, что из всех радостей осталась только одна: вонзить стаканчик красненького и забыться. Было у нее двое детишек. А муж был, да сплыл. А еще на руках хворающая мать. Так что сколько ни работай, хоть изработайся, а полностью обеспечить детишек молочишком, а мать дорогими лекарствами не получится. Но Любаня работала, суетилась, умудрялась выгрызть кое-что у государства по мелочи. Но уже с обеда начинала прикладываться к стаканчику. А пила Корятова не водку, а дешевое вино в тетрапаках. Не один раз предупреждали ее, что можно так потерять хорошее место. Однако сладить с собой Люба не могла. Вот ее-то и присмотрел Нолик в качестве посредника для получения откатов с подрядчиков.

Какое замечательное слово «откат» придумали в России в последние годы. В этом слове собраны все краски нового государства, которое мы стали строить на развалинах великой державы. Здесь и желание обеспечить работой братьев наших меньших из ближнего зарубежья, и возможность платить им гроши за выполненную работу, и заработать на том, что дал заработать. Нет, не таджикам, киргизам, узбекам и китайцам, а владельцам подрядной фирмы, в которой кроме хозяина с секретаршей и компьютером нет более ничего и никого. Но стоит такой фирме получить подряд, как, словно в сказке, появляются плотники, бетонщики, техника и инструменты.

И не важно, что умеют гастарбайтеры, нанятые в качестве штукатуров или

маляров. Важно, чтобы рядом был русскоговорящий бригадир, который пинками и штрафами заставит работать правильно. А как хорошо можно сыграть на удешевлении материалов! Словом, все пошло и поехало в нужном направлении. Нолик ставил задачу Кобытовой, как и с кем надобно говорить. А Любана старалась вовсю. С поставщиками и подрядчиками договаривалась. И везде слыла своим парнем. Конечно же, Нолик свою помощницу не обижал. Вознаграждение она получала вполне приличное. Но тут снова грянул гром. Градоначальник ушел на повышение. А новый, как водится, привел своих людей. Пришлось Нолику снова искать место службы.

Устроился Нолик. Благо опыта теперь у него хватало основать свою фирмочку, которая чем только не занималась, своевременно меняя название и получая прибыль от посреднических услуг. И все бы хорошо. Да появилась у Нолика странная привычка: в полнолуние просыпается он, садится к окну и по-собачьи воет на луну, пугая семью и соседей, вкладывая в этот вой свою тоску о несбывшейся человеческой жизни.

Царская вечеря

Это место называлось Тихий Угол. В сердце Тамбовского Черноземья, на опушке соснового леса стояла маленькая деревушка из трех улиц, выходящих к реке Цне. Называли ее почему-то поселком. Улицы этого деревенского поселка не имели названий, а именовались порядками. Первый порядок, второй и речной порядок. Удивительным было и то, что стоял этот поселок на песке. Вокруг грязь непролазная, а на улицах Тихого сухо и чисто. Воздух, напоенный сосновой хвоей, горячий песок и речные запахи. Даже вода в колодцах была особенной. Слегка желтоватая от песка, она имела сладкий привкус. «Вку-усна-ая!» — растягивая гласные, говаривал местный люд.

Я не в первый раз бывал здесь и уже многих знал. А уж они все наверняка знали, кто я и к кому приехал. Нового человека в деревне примечают быстро. Так же быстро оценивают, определяя его суть, как правило, одним словом. «Квёлый он», — говорила баба Поля об одном знакомом. «А как это?» — «Да ни больной, ни здоровый. И ни к какому делу не приспособишь. Все сидеть и молчить, а как сказать, — то все невпопад».

Сколько лет бабе Поле, я не знал, но ее морщинистое лицо еще хранило следы былой миловидности. А прозрачные голубые глаза глядели на мир слегка удивленно и ласково. Она со спокойной добротой говорила о добрых и злых поступках односельчан, о горе и радости. Никого и никогда не судила. Свое отношение к людям и их поступкам выражала простыми фразами: «Помогай им Бог»; или: «Бог им судья». И в этих словах не было ни капли фальши. Было совершенно ясно, что по-другому она не умеет думать.

— Приходи сегодня вечерять, — сказала мне баба Поля. — Сегодня Царь с кордона приедет. — Царем в Тихом звали сына бабы Поли Сережу, который работал лесничим.

— Царь — потому, что царь леса, — говорили мужики. — Уж он за лесом, как за дитем своим смотреть. Ужо никому обидеть не даёт.

Сережа был заикой. Говорил тяжело, мучительно, вставляя между слов, для сокрытия заикания, междометия, и различные присловья. Мудростью и добротой

он пошел в маманю, бабу Полю, но, как многие деревенские люди, был застенчив и робел перед незнакомыми людьми.

Отказаться было нельзя — обида. Да и интересно мне было. Про Царя говорили, что «петь он мастак». «Уж как поеть, как поеть Царь — вся опукиришься, то есть слезами обольешься», — говорили в Тихом бабы.

Когда вечером я подошел к дому Царя, еще только выпили разгонную, и Сережа, расслабившись, расстегнув застиранную бязевую рубаху, говорил на любимую тему.

— Т...т...ты понимать должен, ежели человек, каждая травинка, каждое деревце, так сказать, жить хочет и к свету тянется.

Сережин отец Иван, которого все деревенские называли дед Ванятка, щурился и кивал. Был он почти слеп. Носил громадные очки-линзы, любил выпить. А в подпитии рассказывал, как выжил на войне только из любви к своей Полии.

— Эх, Полия, моя Полия! — кричал он после третьего стаканчика. — В госпитале врачаха одна позавидовала на меня. А я ей говорю: кроме Полии, мне никто не нужен. Я только Полию люблю.

С моим приходом общество оживилось. Баба Поля подозвала невестку Шуру и сказала ей:

— Юрка своёе вино пить не привык. Выставляй магазинскую.

Это она пожалела меня, так как по молодости лет самогонку я еще пить не научился. А потом пошли разговоры про политику. Будет ли война. И все ждали, что по этому поводу может сказать новый человек, то есть я. А я все ждал, когда же, наконец, Царь созреет и возьмет в руки мандолину.

Наконец, Шура вышла в другую комнату и почти торжественно вынесла оттуда Сережину мандолину. Все притихли. Сережа какое-то время тренькал, настраивая, а потом откашлялся и запел:

*Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит...*

Куда только девалось косноязычие и заикание! Мандолина пела дрожащим высоким голосом, сливаясь с уверенным голосом Царя. Сам он сидел, закрыв глаза, и пел, словно проживая лермонтовский романс, умирая и рождаясь заново в голубом сиянии спящей земли, принимая на себя всю боль и труды крестьянских своих предков, их желания и мечты о счастье, которое призрачно и мгновенно, а ожидание счастья вечно. Слезы текли по его лицу, падая на разноцветную клеенку стола, на мандолину, и не было сил терпеть эту сладкую муку.

* * *

Песня кончилась. Все сидели молча, боясь что-то нарушить, вспугнуть возникшее чувство. Только дед Ванятка, всхлипнув, сказал:

— Эх! Хорошо, ядри тебя в душу.

Потом Сережа пел «Лучинушку», «Долю», «Гори, гори, моя звезда».

Когда я вышел на улицу, луна была уже высоко. Деревня спала. Вспомнился мне тургеневский рассказ «Певцы». Сколько же лет прошло с тех пор, как слушал своих певцов Иван Сергеевич? А ведь ничего не изменилось, по большому счету. Идут годы, сменяются правители, рушатся империи, а душа русская не меняется.

Тридцать лет спустя занесла меня судьба в Сибирь. Идя по улице сибирского города к торговому центру, вдруг услышал я издали совершенно бархатный тенор:

*В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сияньи голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? Жалею ли о чем?*

Я подошел ближе и увидел сравнительно молодого, лет тридцати, человека с испитым, опухшим лицом, который, опираясь на гриф старой исцарапанной гитары, пел.

Уж не жду от жизни ничего я...

Глаза его были закрыты. По щекам катились слезы. Он жил этой песней. Люди, торопившиеся по своим делам, неожиданно останавливались и слушали. Если бы певцу сейчас пришло в голову повести эту толпу, он бы увел ее куда угодно. Но он пел, не догадываясь о своей власти над людьми. Пел, и слезы катились по грязным щекам, падая на потертое пальто и заплеванный асфальт. Мне тут же вспомнилась вечеря у Царя.

Господи! Что бы с Россией ни делали: спаивали, ломали, втоптывали в грязь, лечили заморской демократией или шоковой терапией — она встает из грязи, сильная и чистая, словно росой омытая. На то она и Россия.